

«УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ» И «КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ»
СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ

Д. Ю. Гончаров

*Российский государственный профессионально-педагогический
университет (г. Екатеринбург)*

Поступила в редакцию 1 апреля 2016 г.

Аннотация: законодательство о противодействии преступности в России подразделяется на две крупные подсистемы – законодательство о предупреждении преступлений и законодательство о борьбе с преступностью. Их основные различия обнаруживаются в социальном предназначении. Затронуты вопросы соотношения этих подсистем с иными системами – отраслями криминологии, а также обсуждаемыми в литературе концепциями права безопасности.

Ключевые слова: «криминологическое» в законодательстве, законодательство о предупреждении преступлений, законодательство о борьбе с преступностью, противодействие преступности.

Abstract: the legislation on counteraction of crime in Russia is subdivided into two large subsystems – the legislation on the prevention of crimes and the legislation on fight against crime. Their main distinctions are found in social mission. The questions of a ratio of these subsystems with other systems – branches of criminology, and also concepts of the right of safety discussed in literature are raised.

Key words: «criminological» in the legislation, the legislation on the prevention of crimes, the legislation on fight against crime, crime counteraction.

В настоящее время в России, как и во всем мире, идет поиск оптимальной модели политики противодействия преступности. Звучат тезисы о декадансе уголовного права¹, о неэффективности пунитивного подхода при преобладании карательного воздействия в законотворчестве и правоприменении². По оценкам специалистов, преступность снижается во всем мире, но это свидетельствует о том, что она развивается по своим собственным законам независимо от полиции, криминальной юстиции и профилактики³. В криминологии обсуждаются идеи о нетождественности

¹ См.: Шестаков Д. А. Декаданс уголовного права : актуальный криминологический словарь. 2014. URL: <http://www.криминология.net/catalog/item29.html> (дата обращения: 17.09.2014).

² См.: Хильгендорф Э. Пунитивное законодательство и уголовно-правовая доктрина. Скептические замечания к некоторым руководящим терминам современной теории уголовного права // Вопросы российского и международного права. 2012. № 1. С. 111–141.

³ См.: Гилинский Я. И. Обсуждение преступности в США и России. Заседание Санкт-Петербургского международного криминологического клуба 31 мая 2013 года. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=FkxKMGRO00w> (дата обращения: 17.09.2014).

преступности и совокупности преступлений. Так, преступность представляется как свойство общества порождать множество опасных деяний, как единство множества преступлений и других социальных подсистем⁴.

С названными криминологическими взглядами в главном можно согласиться с той или иной степенью уверенности, подвергнув сомнению, пожалуй, независимость преступности от мер воздействия на нее. Социологи в своих исследованиях подчеркивали связь между показателями девиаций, в том числе преступных, и мерами, предпринимаемыми государством, в том числе в лице правоохранительных органов⁵. Кроме того, без сомнения, можно утверждать, что названные, равно как и другие криминологические реалии должны быть учтены обществом и государством в процессе правового регулирования противодействия преступности. Необходимо совершенствовать законодательство, направленное на противодействие преступности, прежде всего сформировать общие теоретические представления о нем, его соотношении как с входящими в него элементами, так и иными системами.

В связи с этим на обсуждение могут быть поставлены следующие важные вопросы, рассмотрению каждого из которых в отдельности могут быть посвящены самостоятельные исследования, которые в совокупности способствовали бы интеграции полученных данных с концепцией единого законодательства о противодействии преступности:

1. Какова система действующего сегодня в России законодательства о противодействии преступности?

Определение системы законодательства о противодействии преступности можно сформулировать так: это совокупность находящихся в закономерных взаимосвязях законов федерального и регионального уровней, регулирующих отношения по предупреждению совершения преступлений, в том числе по выявлению и устранению причин преступлений, совершенных ранее, а также отношения, направленные на борьбу с преступностью, в том числе по пресечению совершаемых, выявлению, раскрытию и расследованию совершенных преступлений, назначению и исполнению уголовных наказаний, минимизации (ликвидации) последствий преступлений.

Законы о противодействии преступности могут быть классифицированы: в зависимости от основной социальной направленности – на зако-

⁴ См.: Шестаков Д. А. Преступность среди социальных подсистем. СПб., 2003. С. 6–7.

⁵ Так, М. К. Горшков и Ф. Э. Шереги предполагают, что существенное сокращение потребляющих наркотики в 2004–2006 гг. могло быть вызвано в том числе результативностью работы созданного в это время ФСКН (Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков) России, а увеличение среднего возраста приобщения несовершеннолетних и молодежи к наркотикам за период с 2001 по 2009 г. авторы склонны объяснять усилением профилактической работы в образовательных учреждениях и т.д. (см.: Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России : социологический портрет. Второе изд., доп. и испр. М., 2010. С. 384, 395. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17983581> (дата обращения: 17.09.2014)).

ны, основной направленностью которых является регулирование отношений по недопущению совершения преступлений (законодательство о предупреждении преступлений), и законы, основной направленностью которых является регулирование отношений, возникающих в результате совершения (либо необходимости проверки информации о совершении) преступлений (законодательство о борьбе с преступностью); в зависимости от уровня субъекта, их принявшего, и исходя из конституционных предписаний о предметах ведения Российской Федерации и ее субъектов, могут быть дифференцированы только законы о предупреждении преступлений – законы федерального уровня и законы субъектов РФ; в зависимости от наличия единого базового закона дифференцируется только законодательство о борьбе с преступностью – на кодифицированное и некодифицированное; в зависимости от сферы применения кодифицированное законодательство о борьбе с преступностью подразделяется на уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное; а некодифицированное – на применимое к уголовным, уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным правоотношениям⁶.

2. Каким образом законодательство о противодействии преступности соотносится с разработанной в криминологии концепцией наличия разных отраслей – криминологией закона, семейной, политической, экономической криминологией и другими, регулированием государственной реакции на причинение вреда несовершеннолетними?

При решении этого вопроса, прежде всего, следует обратить внимание на схожесть законодательства о противодействии преступности с самой преступностью в том, что и та и другая теоретические конструкции отражают суть системных явлений⁷. Отсюда – криминологические, уголовно-правовые, технико-юридические знания о преступности и противодействии ей должны обладать системностью, между ними имеется взаимная связь.

На наш взгляд, при условии обоснования потребности в обособленном регулировании соответствующих сфер необходимо их адекватное регулирование. В литературе неоднократно отмечалась сложность регулирования ответственности несовершеннолетних и социальной помощи молодым правонарушителям. В уголовном законодательстве многих стран кроме наказания предусмотрены меры воздействия к несовершеннолетним, иным категориям, не относящиеся к наказанию. Мы считаем иные уголовно-правовые меры, в том числе принудительные меры воспитательного воздействия, регулируемые УК РФ, формой реализации уголовной ответственности за совершаемые общественно опасные деяния, содержащие признаки преступления.

⁶ См.: Гончаров Д. Ю. Концептуальные основы межотраслевых взаимосвязей в законодательстве о противодействии преступности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2014. С. 12–13.

⁷ О системном характере преступности см.: Шестаков Д. А. Преступность среди социальных подсистем. С. 25–27.

В ст. 1 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»⁸ (далее – Федеральный закон № 120-ФЗ) говорится о дуальном характере несовершеннолетних – в одних случаях они являются источниками опасности; в других – объектами охраны. О необходимости предупредительного регулирования, призванного сдерживать молодежные девиации «на дальних подступах», говорят авторитетные социологи: «...сегодня назрела потребность в точном определении задач и полномочий органов управления образованием, учреждений образования, по профилактике беспризорности и безнадзорности, разработке унифицированной системы показателей по учету ситуации беспризорности в регионе и для отчетности по профилактике этого явления. Основной упор в профилактике беспризорности надо делать до «выталкивания» детей на улицу и формирования у них под влиянием уличной среды девиантных пристрастий»⁹.

Федеральным законом № 120-ФЗ урегулирована профилактическая деятельность в отношении несовершеннолетних. Этим же законом урегулированы меры воздействия на лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, при совершении ими общественно опасных деяний, содержащих признаки состава преступления. В отношении тех несовершеннолетних, которые подлежат уголовной ответственности, применяются меры наказания или воспитательного воздействия, предусмотренные УК РФ. Таким образом, учитывая размещение современным законодателем норм об ответственности несовершеннолетних за причинение вреда, содержащего признаки преступления, в двух выделенных нами подсистемах, отметим, что иной, обособленной системы законодательства о противодействии преступности молодежи в настоящее время в российском законодательстве не существует¹⁰.

Д. А. Шестаковым, иначе представляющим модель законодательства о противодействии преступности, обосновывается идея о необходимости выделения такой подсистемы в этом законодательстве, как Кодекс об уголовной ответственности и ресоциализации молодежи¹¹. В семейной криминологии обсуждается законодательное регулирование противодействия насилию в семье¹², подробно описывается сложный характер внутрисемейной преступности и ее причин¹³. М. К. Горшков и Ф. Э. Ше-

⁸ Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 26. Ст. 3177.

⁹ Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Указ. соч. С. 555.

¹⁰ См.: Гончаров Д. Ю. О комплексном регулировании противодействия криминальным молодежным феноменам // Криминология : вчера, сегодня, завтра. 2013. № 2. С. 78.

¹¹ См.: Шестаков Д. А. Криминологическое законодательство и право противодействия преступности // Там же. № 1. С. 49–50.

¹² См. об этом: Шестаков Д. А. Семейная криминология (криминофамилистика). 2-е изд. СПб., 2003. С. 271–272.

¹³ См.: Шестаков Д. А. Преступность среди социальных подсистем. С. 39–55 и др. ; Его же. Семейная криминология.

реги пишут: «...необходимо выявлять девиантные и конфликтные семьи, многие из которых сегодня фактически изолированы от общества и социальных служб»¹⁴. Очевидно, такая работа должна опираться на адекватные положения нормативных актов. Не углубляясь в аргументацию сторонников обособления в самостоятельных актах норм об уголовной ответственности отдельных категорий лиц или за отдельные категории преступлений, отметим, что такое обособление приведет к декодификации уголовного законодательства РФ и, возможно, потребует дальнейшей работы по декодификации смежных отраслей кодифицированного законодательства. Сказанное относится и к выделению актов об уголовной ответственности за преступления в семейной, политической, экономической и других сферах.

Иное дело – принятие в рамках законодательства о предупреждении преступлений законов, направленных не на установление уголовной ответственности в отдельном от УК РФ акте, а на профилактическое регулирование. В рамках существующей законодательной системы следует разработать и принять закон об основах государственной политики предупреждения преступлений и административных правонарушений с возможным выделением в нем норм об организации профилактики преступлений по видам (в том числе преступлений в семье¹⁵), закон о криминологической экспертизе принимаемых нормативно-правовых актов. Такой подход позволит избежать декодификации актов, направленных на регулирование отношений, возникающих в результате совершения преступления.

3. Каков характер соотношения законодательства о противодействии преступности с мерами безопасности и законодательством безопасности?

Хорошие перспективы видятся в сближении конструкции законодательства о противодействии преступности как с отраслями криминологии, так и с концепцией мер безопасности, разработкой которых наиболее успешно занимается в последнее время Н. В. Щедрин¹⁶. Автор определяет меры безопасности как самостоятельную разновидность предупредительного воздействия, которая в отличие от мер социальной профилактики, восстановления и наказания имеет особые цели, основания и предупредительный механизм. Для предупреждения преступности используются меры безопасности, предусмотренные как правилами, так и санкциями безопасности, которые расположены во всех отраслях законодательства. Он же выделяет антикриминальные меры безопасности – часть общего института мер безопасности. Основанием для выделения автором антикриминальных мер безопасности в отдельную группу является характер источника опасности. В данном случае речь идет об общественной опас-

¹⁴ Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Указ. соч. С. 555.

¹⁵ См. об этом: Шестаков Д. А. Семейная криминология. С. 271.

¹⁶ См.: Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности : монография / под ред. Н. В. Щедрина. Красноярск, 2010.

ности¹⁷. В нашем понимании границ предупреждения преступлений и борьбы с преступностью, с одной стороны, и в понимании границ между предупреждением преступлений и наказанием за них в концепции мер безопасности, с другой стороны, есть несовпадения. Однако при детальном ближайшем рассмотрении обнаруживается следующее. Для ясного представления о том, до какого момента возможна профилактика еще несовершенно преступления и какова сфера регулирования подобных профилактических отношений, используем категорию «законодательство о предупреждении преступлений», подразумевая при этом то, что его нормами следует регулировать отношения до начала совершения преступления (предкриминальные отношения). В последующем – на этапе совершения преступления необходимо его пресечение, а после совершения преступления – решение вопроса об уголовной ответственности. И в том и в другом случае – это отношения, возникающие в результате совершения преступления, на их регулирование должно быть направлено законодательство о борьбе с преступностью (например, нормы УК РФ о необходимой обороне для пресечения преступления и иные нормы для возложения уголовной ответственности) и уже бессмысленно предупреждать то, что совершено. В широком смысле слова с учетом признаваемого нами информационного воздействия уголовного права (но это не является сущностной чертой, функцией отрасли) в деле удержания лиц от совершения преступлений названная отрасль также играет свою роль. Но она не регулирует конкретных отношений между конкретными субъектами по поводу конкретных профилактических мероприятий. Однако в общем виде, конечно, следует признать, что за рубежом, например в ФРГ, *Sicherheitsrecht* – законодательство о безопасности – регулирует широкую сферу деятельности, связанную с опасными объектами, например пожарную безопасность, а в России уголовно-правовые и предупредительные меры, предусмотренные в различных отраслях права (в том числе частноправовой системы), выполняют общую метазадачу обеспечения безопасности. Соотношение мер безопасности, наказания и восстановления Н. В. Щедрин представил в виде пересекающихся кругов. Институт мер безопасности служит для обеспечения жизнедеятельности, охраны самых различных объектов, предупреждения правонарушений, общественно опасных деяний невменяемых и детей. Лишь определенная часть мер безопасности используется в деятельности по предупреждению преступлений. Предупреждение преступности – это лишь частный случай использования мер наказания, восстановления и безопасности¹⁸.

Таким образом, если, по Н. В. Щедрину, предупреждение – это часть использования наказания и иных мер, то, по нашему мнению, предупреждение преступлений и борьба с преступностью (в рамках которой назна-

¹⁷ См.: Там же. С. 165.

¹⁸ См.: Концептуально-теоретические основы... / под ред. Н. В. Щедрина. С. 167.

чается наказание) – это равновеликие сферы противодействия преступности.

Особого внимания заслуживает вопрос, возникший в связи с коллизией между ответственностью за убийство по уголовному праву и «правом на убийство невиновного» в *Sicherheitsrecht*. Речь идет о норме антитеррористического законодательства ряда стран, включая Россию, допускающей ликвидацию вместе с командой и пассажирами захваченного террористами воздушного или водного судна. Исследуя этот вопрос, уместно для начала привести слова признанного и уже упомянутого нами специалиста в области концептуальных начал теории безопасности Н. В. Щедрина: «Люди совершенствуют старые и изобретают новые способы ограждения себя от опасностей. Уязвимость организма современного человека якобы компенсируется комплексом социально приобретенных средств защиты. Но, как ни странно, с развитием цивилизации количество опасностей не уменьшается, а может быть, даже увеличивается. Вместо одних источников опасности появляются другие, еще более грозные. Отчасти оградив себя от неприятных сюрпризов природы, *homo sapiens* неразумно множит опасности антропогенного происхождения. Миллионы лет борьбы за безопасность не принесли ощутимых побед... В этой драматичной истории орудия и средства защиты превращаются в источники опасности, для защиты от которых создаются новые средства, которые вновь становятся опасными...»¹⁹.

Нормы антитеррористического законодательства, действующие в России, допускающие ликвидацию захваченного террористами судна вместе с командой и пассажирами, направлены на причинение вреда во избежание опасности гибели людей либо наступления экологической катастрофы. Этот узаконенный вред можно было бы признать причиняемым в обстоятельствах, исключаящих преступность деяния, регламентируемых УК РФ, если бы он причинялся только посягающему (необходимая оборона) или только террористам (исполнение приказа или распоряжения), или его размер был меньше предотвращаемого вреда (крайняя необходимость). На наш взгляд, указанных обстоятельств здесь нет: отсутствуют условия правомерности. Значит, это не уголовно-правовая мера, а иная, сегодня ее называют одной из «мер безопасности». Однако коллизия между антитеррористическими нормами, закрепленными в специальном законе (ст. 7 и 8 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»²⁰), и нормой об убийстве должна устраняться путем размещения соответствующих предписаний в Уголовном кодексе, например путем расширения перечня обстоятельств, исключаящих преступность деяния. И хотя данный вопрос ранее нами специально не обсуждался, отмечалось, что, в частности, названный специальный закон регулирует преимуще-

¹⁹ Концептуально-теоретические основы... / под ред. Н. В. Щедрина. С. 8–9.

²⁰ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.

ственно, но не исключительно меры предупреждения преступлений²¹. Отмечалось, что сегодняшнее размывание предмета правового регулирования в законодательстве о противодействии преступности – существенная проблема, например для исследования взаимосвязей в этом массиве²². Очевидно, существует большой исследовательский резерв в проведении водораздела между предметом законодательства о предупреждении преступлений и предметом законодательства о борьбе с преступностью. При отсутствии возможности отказа от такой меры безопасности, как «уничтожение опасного судна», ее следует считать пресечением начавшегося преступления – мерой борьбы с совершаемым преступлением – уголовно-правовой мерой, подлежащей регулированию УК РФ.

4. Возможно ли четкое разграничение в рамках законодательства о противодействии преступности тех законов, которые направлены на предупреждение преступлений и не направлены на борьбу с преступностью, с одной стороны, и тех, которые направлены на борьбу с преступностью, но не направлены на предупреждение преступлений, с другой стороны?

При такой однозначной постановке вопроса, очевидно, мало кто из специалистов решится дать категоричный утвердительный ответ. Ведь в понимании юристов многих поколений, например, привлечение к уголовной ответственности призвано, помимо прочего, отвращать людей от совершения того, за что наказаны привлекаемые к ответственности. М. Д. Шаргородский, например, задавал вопрос о том, увеличилось бы число преступлений, если были бы отменены уголовно-правовые нормы. И отвечал на него утвердительно, указывая, что это увеличение произошло бы за счет тех, кто не совершает преступлений под страхом наказания. Предупредительная роль уголовного права стала едва ли не трюизмом, с которым мало кто берется поспорить.

Например, такие виды наказания, как лишение права занимать определенные должности или лишение свободы, физически удерживают от преступления. У Н. В. Щедрина вызывает сомнение безоговорочное отнесение к наказанию лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью. Он считает, что эти меры ближе к мерам безопасности, а не к мерам наказания. Сближение мер безопасности и наказания является одной из тенденций советской уголовной политики. Меры наказания становятся похожи на меры безопасности и наоборот. Иногда меры безопасности используются как альтернатива наказанию. Понимая некоторые сегодняшние меры уголовно-правового воздействия как меры безопасности, Н. В. Щедрин со ссылкой на М. Д. Шаргородского²³ показывает разницу уголовно-право-

²¹ См.: Гончаров Д. Ю. Концептуальные основы межотраслевых взаимосвязей в законодательстве о противодействии преступности : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2014. С. 54.

²² См.: Там же. С. 191–262.

²³ См.: Шаргородский М. Д. Вопросы общей части уголовного права (законодательство и судебная практика). Л., 1955. С. 222.

вого воздействия с мерами безопасности на примере мер медицинского характера²⁴, которые формально-логически законодателем сближены. Полагаем, что лишение права занимать определенные должности и лишение свободы тоже могли бы именоваться некарательными мерами социальной защиты или превентивными мерами, или как угодно еще, если бы назначались не за преступление, а за предкриминальное поведение. Но лишение свободы и права занимать определенные должности назначаются именно за **совершенные** преступления, предупредить которые не удалось. Что касается мер воздействия (например, мер медицинского характера) за деяние непроступное, совершенное лицом, не обладающим признаками субъекта, или как в случае с принудительными мерами воспитательного воздействия, назначаемыми вместо наказания, то опять же, входящие в сферу уголовно-правового регулирования они, хотя и не являются наказанием – суть не предупредительные меры, потому что деликта, по опасности наиболее тесно примыкающего к уголовному (или являющегося таковым), избежать не удалось. Для нас эти меры как раз ближе к наказанию, а не к мерам предупреждения преступлений, так как предусмотрено их назначение за уже совершенное преступление.

Наиболее важным представляется подчеркивание условного разделения превентивных отношений от отношений, возникающих в результате совершения преступления с тем, чтобы обратить внимание на следующее обстоятельство. Сочетание законодательного регулирования предупредительных отношений и отношений по борьбе с уже совершенными преступлениями не является на сегодняшний день оптимальным. Иными словами, превентивными мы считаем меры, применение которых позволит уменьшить масштабы того же лишения свободы с пользой для общества и которые нуждаются в законодательном регулировании.

Выделяемое нами законодательство о предупреждении преступлений можно понимать как регулятор отношений: а) возникающих до совершения преступления; б) по поводу выявления обстоятельств, способствующих при их неблагоприятном развитии совершению преступлений; в) с целью последующего воздействием на эти обстоятельства. С одной стороны, в таком виде предупредительная функция будет выглядеть уже в сравнении со сложившимся пониманием предупреждения карой, мерами наказания (заменяющими их мерами в рамках уголовно-правового воздействия). Однако, с другой стороны, именно при таком подходе возможна сравнительная рефлексия подсистемы законодательства, *основная, а не исключительная направленность* которого проявляется в регулировании предупреждения преступлений, с подсистемой законодательства, *основная, а не исключительная направленность* которого проявляется в регулировании борьбы с преступностью.

Сравнение этих подсистем позволяет выявить взаимные связи между ними, что при условии должного исследовательского обеспечения позво-

²⁴ См.: Концептуально-теоретические основы... / под ред. Н. В. Щедрина. С. 132–133.

лит решить ряд вопросов теоретико-прикладного характера: какие законы относятся к той и иной подсистеме, как они соотносятся в иерархическом плане друг с другом и с актами, не входящими в эти подсистемы, каков их генезис, как соотносятся их предмет, структура и функции и т.д.

Один (возможно, главный) из вопросов, который уже стоит на повестке дня, а именно: следует ли разработать и принять (и если да, то в каком виде) единый законодательный акт о противодействии преступности, – по всей видимости, должен решаться с учетом анализа подсистемы актов о предупреждении преступлений и актов о борьбе с преступностью, условно отделенных друг от друга в исследовательских целях.

5. Возможна ли дифференциация и интеграция в законодательстве о противодействии преступности?

При дальнейшем движении общества на пути к приоритезации прав личности, думается, не обойтись без усиления превентивной работы. На наш взгляд, осознание необходимости предупредительного воздействия до совершения преступлений вместо «путем воздействия за совершение преступлений» в России приведет к смене парадигмы воздействия на преступность с преимущественно карательной на преимущественно превентивную, как это происходит в странах с наиболее развитыми правовыми и иными социальными системами (Япония, страны ЕС и др.). Перманентная историческая смена поколений и режимов будет способствовать взаимному осознанию управляемых и управляющих того, что всеобщему благу будет служить не преступная и не наказываемая (реже, чем остающаяся безнаказанной) часть власти и подвластного общества, а такая власть, которая способствует недопущению преступлений, которая может организовать в обществе нормальные отношения.

Одним из наиболее перспективных средств противодействия преступности видится постоянное совершенствование законодательного регулирования этой деятельности.

Так, при разработке и принятии единого закона о противодействии преступности в нем должны быть отражены основные стратегические положения, интегрирующие предупреждение преступлений и борьбу с преступностью, но в то же время предусматривающие возможность дифференцированного подхода к этим направлениям воздействия.

Необходимо сформулировать общие цели и принципы противодействия преступности. Единой целью для законодательства о противодействии преступности могло бы стать препятствование криминальной активности путем предупреждения преступлений и путем борьбы с преступностью. Общие принципы должны иерархически подчиняться принципу законности, следует также предусмотреть принцип приоритета профилактики преступлений. Отраслевые принципы, разумеется, должны отражать специфику предназначения каждой самостоятельной отрасли.

При сегодняшних недостатках межотраслевого взаимодействия в законодательстве о противодействии преступности именно интегрирующие нормы могли бы задать вектор безошибочной работы законодателя над

внесением необходимых изменений и дополнений в акты отраслевого законодательства. Возможно, «за скобки» отраслевого регулирования будет вынесена регламентация межотраслевых институтов, например освобождения от уголовной ответственности, некоторых других, общие положения о которых мог бы вместить единый закон. Законодательное упоминание о подобных институтах как межотраслевых могло бы способствовать усилению работы по сближению соответствующих отраслевых норм при разработке, издании законов и их применении.

В едином законе о противодействии преступности с учетом общей стратегии могут формулироваться направления развития отраслевого законодательства: законодательства о предупреждении преступлений, уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного. Представляется, что принятие законов о противодействии преступности, о политике предупреждения преступлений, новых (в случае необходимости) – уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного – единым пакетом способствовало бы их согласованности друг с другом.

Рассмотренные нами и иные проблемы регулирования отношений, возникающих до совершения преступлений, и отношений, возникающих в результате совершения преступлений, являются фундаментальными, требующими теоретического развития в прикладных исследованиях самой преступности и способов воздействия на нее законодателем и правоприменителем.

*Российский государственный профессионально-педагогический университет
(г. Екатеринбург)*

*Гончаров Д. Ю., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры права
E-mail: goncharov_d@mail.ru*

*Russian State Vocational Pedagogical
University (Ekaterinburg)*

*Goncharov D. Yu., Doctor of Legal Sciences,
Associate Professor, Professor of the
Law Department
E-mail: goncharov_d@mail.ru*